

ГУЛ

7.2	8.4	5.6	9.1	3.7	6.3	7.8	4.2	8.9	6.1
4.6	7.1	6.2	8.3	5.9	3.8	7.4	6.7	5.2	8.6
9.3	6.0	7.2	4.8	6.6	8.1	7.0	5.3	6.9	7.6
5.1	8.7	6.4	7.3	5.8	6.0	4.9	8.2	7.1	6.3
7.7	5.5	8.0	6.2	7.5	4.1	6.8	5.6	8.4	7.2
6.2	7.3	5.7	8.9	6.1	7.6	5.4	6.0	7.8	5.9
8.1	6.5	7.0	5.2	6.7	7.4	7.4	5.1	6.2	8.3
5.6	7.9	6.3	8.2	5.0	7.1	6.6	8.7	5.3	6.0
7.4	6.8	5.9	7.7	6.4	5.5	8.0	6.1	7.2	5.8
6.0	5.2	7.6	6.9	8.1	6.3	5.7	7.0	8.4	6.5
8.3	6.1	5.4	7.2	6.0	8.6	7.3	5.8	6.7	7.9
5.7	7.0	6.6	5.1	7.8	6.2	8.2	6.5	5.9	7.4
6.9	5.3	7.1	6.4	5.6	7.7	6.0	8.1	7.3	6.2
7.5	6.2	8.0	5.8	6.7	5.2	7.6	6.3	8.5	7.0
6.4	7.8	5.6	6.1	7.3	8.3	5.0	7.2	6.6	5.5
8.7	6.0	7.4	5.3	6.8	7.1	6.4	5.7	7.9	6.1
5.0	6.7	7.2	8.4	5.9	6.5	7.8	6.2	5.4	7.3
7.6	5.5	6.3	7.0	6.1	8.2	5.6	7.4	6.0	8.1

«Система всегда побеждает одного человека»

ИВАН РАДЗИМИЧ

Иван Радзимич

Гул

<https://litres.ru/74020078>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кондиционер на двенадцатом этаже работал круглый год, одинаково ровно, чуть ниже того порога, за которым звук становится раздражением. Марина — старший аналитик фармацевтической компании. Её работа: следить, чтобы цифры в таблицах совпадали. Она хороший фильтр. Через неё всё проходит гладко.

До того утра, когда она случайно видит не тот файл. Две версии одного документа. Одна цифра — 2,1%. Другая — 6,8%. Разница почти в пять пунктов. Разница между ошибкой и преступлением.

Она могла закрыть файл и почти это сделала.

Но теперь она знает слишком много и должна решить: остаться фильтром, который пропускает всё гладко, — или стать той самой «шероховатостью», которую система привыкла зачищать.

Она боится и устала. Но гул не даёт ей спать.

Содержание

Глава первая. Роковой файл	4
Глава вторая. Проект Эм	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Гул

Глава первая. Роковой файл

Кондиционер на двенадцатом этаже работал круглый год, и зимой, и летом, одинаково — ровно, на одной ноте, чуть ниже того порога, за которым звук становится раздражением. Марина приучилась его не слышать. Так приучаешься не слышать собственное дыхание, тиканье часов в коридоре, гудение холодильника ночью. Звук есть, но его как бы нет. Он становится частью молчания.

Восемь сорок утра. Она пришла, как всегда, раньше большинства — не из рвения, а из привычки занимать место до того, как офис наполнится людьми и их разговорами. В пустом опен-спейсе было легче. Серый ковролин, бежевые перегородки, белые столешницы, на которых ещё не остыли пятна вчерашнего кофе. Она поставила стакан — капсульный, картонный, с логотипом сети, которую компания держала в углу кухни вместо нормальной кофемашины, — и села.

Монитор загорелся. Двадцать семь непрочитанных. Это нормально. Это даже хорошо: значит, пока она спала, кто-то работал, и теперь у неё есть с чего начать день, не задавая себе лишних вопросов.

Старший аналитик отдела клинической документации.

Должность звучала важнее, чем была. По сути, Марина проверяла, чтобы цифры в одних таблицах совпадали с цифрами в других, чтобы формулировки соответствовали регламентам, чтобы в отчётах, которые уходили дальше — выше, наружу, в инстанции, — не было того, что юристы называли «расхождениями». Она была фильтром. Сито с мелкой ячейкой. Через неё проходило всё, и она следила, чтобы прошло гладко.

Биохимик по образованию. Восемь лет назад, защищая диплом, она думала, что будет заниматься наукой. Молекулы, реакции, чистая логика вещества. Вместо этого — таблицы. Но таблицы платили. Таблицы платили хорошо, и это, как она решила примерно на третий год, было достаточным основанием, чтобы перестать задавать вопрос «то ли это, чего я хотела».

— Доброе утро, Марина Алексеевна.

Денис. Новенький, второй месяц. Он всегда здоровался полным именем-отчеством, и в этом было что-то одновременно вежливое и насмешливое, хотя насмешки в нём не было — был только возраст. Двадцать девять, но выглядел на двадцать четыре. Рюкзак он бросал на пол у соседнего стола, и на рюкзаке был значок — чёрно-белый, круглый, с буквами «КИНО». Цоевский. Марина однажды поймала себя на том, что смотрит на этот значок дольше, чем нужно.

— Доброе, — сказала она, не отрываясь от монитора.

— Короче, я там вам скинул сводку по третьей фазе, —

Денис плюхнулся в кресло, оно крякнуло. — Шеф просил, чтобы вы глянули до обеда. Я не очень понял, что именно надо, но я скинул всё, что было в папке.

— Всё, что было в папке, — повторила она.

— Ну да. Там два файла почему-то, с одинаковым названием почти. Я оба кинул, разберётесь.

Она кивнула. Денис уже надел наушники — один, левый, второй болтался на проводе — и уставился в свой экран с тем выражением сосредоточенного непонимания, с каким новые сотрудники смотрят на корпоративные системы первые полгода. Марина вернулась к почте.

Письмо от него висело третьим сверху. Тема: «3 фаза сводка». Два вложения. Она открыла первое — обычная сводная таблица по результатам третьей фазы клинических испытаний препарата, который в компании все называли просто «Проект Эм». Антикоагулянт нового поколения, на который было поставлено многое — деньги, репутация, государственный контракт. Цифры эффективности, цифры безопасности, проценты, доверительные интервалы. Всё знакомое. Всё, что она видела десятки раз.

Открыла второе. Название почти то же самое, отличалась одна цифра в конце — «v.4» вместо «v.6».

Сначала она не поняла, на что смотрит. Та же структура, те же столбцы, те же названия групп. Глаз скользнул по строке нежелательных явлений — и зацепился. Геморрагические осложнения. В первом файле — 2,1 процента. Во втором —

6,8.

Марина откинулась на спинку кресла.

Она перечитала. Потом открыла оба файла рядом, разделив экран пополам. Левый столбец, правый столбец. 2,1 и 6,8. Это не округление. Это не другая методика подсчёта. Это другая реальность. В одной версии препарат вызывал серьёзные кровотечения у двух пациентов из ста. В другой — у семи.

Семь из ста. На антикоагулянте. На препарате, который должен разжижать кровь ровно настолько, чтобы не убить.

Кондиционер гудел.

Она посмотрела на Дениса. Он жевал, глядя в экран, левый наушник в ухе. Он не знал. Конечно, он не знал. Он два месяца в компании, он не отличит сводку от черновика, он просто открыл папку и переслал всё, что там лежало, потому что так проще, чем разбираться. Рабочий файл, версия четыре. То, что осталось до того, как кто-то — она не знала кто — сделал версию шесть. Ту, в которой 2,1.

Марина закрыла второй файл.

Потом — первый.

Потом она сделала то, чего не делала никогда: открыла отправленные у себя, проверила, не переслала ли куда-нибудь это письмо случайно. Не переслала. Письмо было только у неё и у Дениса. И в папке, откуда он его взял.

Она встала и пошла на кухню.

Капсула провалилась в гнездо с тихим щелчком, машина

зашипела, в стакан потекла тёмная струйка. Марина смотрела на неё и думала ровно одну мысль, по кругу: это не моё дело. Это правда не моё дело. Кто-то наверху знает, что делает. Версии файлов меняются по сто раз, может, в четвёртой была ошибка ввода, опечатка, лишняя строка, может, эти семь процентов — артефакт, который потом скорректировали, и шестая версия как раз правильная.

Может быть.

Она знала, что это не так. Опечатка не превращает 6,8 в 2,1. Опечаткой не убирают пять пунктов из строки, на которую регулятор смотрит в первую очередь.

Она вернулась за стол. Допила кофе. Открыла первый файл — официальный, чистый, с 2,1 — и начала делать то, за что ей платили: проверять, чтобы цифры в одних таблицах совпадали с цифрами в других.

Они совпадали. Везде. Версия шесть была вычищена идеально.

К обеду она отписала шефу, что сводка проверена, замечаний нет. Так и было — к сводке, к той, что ей дали проверять, замечаний не было. Она была безупречна.

Денис ушёл обедать с ребятами из соседнего отдела, помахал ей рукой, она не заметила или сделала вид. В обед она не пошла никуда. Сидела, смотрела в окно. С двенадцатого этажа Пресня лежала внизу, как макет, — стеклянные башни, краны, серая лента набережной. Где-то там Москва-река, но её не было видно за зданиями.

Вечером она удалила письмо Дениса. Сначала из входящих, потом из корзины. Потом подумала и почистила историю открытых файлов, хотя знала — на самом деле знала, профессионально знала, — что это ничего не значит. Что любой её доступ к серверу залогирован. Что удалить можно письмо на своём экране, но не след в системе.

Она удалила всё равно. Чтобы стало легче.

Не стало.

Дома, в Бутово, в съёмной — нет, не съёмной, своей, ипотечной, на которую поручителем была мать, или наоборот, она поручитель по матери, она всё время путалась, кто за кого, — дома она разогрела вчерашнее, села перед телевизором, не включила его, поела в тишине.

В двадцать два ноль-ноль позвонила Галина Петровна.

— Ну что, дочь, — сказал голос матери, бодрый, чуть с укором, как всегда. — Жива?

— Жива, мам.

— Я тут смотрю сериал, представляешь, там у женщины нашли тромб, и врачи спорят, давать ей разжижающее или нет, потому что у неё язва, и если дать — может открыться кровотечение. Вот ведь как у них всё связано в организме. Я говорю тебе как человек, который посмотрел триста серий: медицина — это очень тонко.

Марина сидела с телефоном у уха и смотрела в тёмный экран телевизора, где отражалась она сама — маленькая, скрюченная на диване фигура.

— Да, мам, — сказала она. — Очень тонко.

— Ты ешь нормально? Голос у тебя какой-то.

— Какой?

— Не знаю. Никакой. Устала, что ли?

— Устала.

— А ты не уставай так. Ты себя гробишь на этой работе, а они тебе спасибо не скажут. Я тебе всегда говорила: главное — стабильность. У тебя есть стабильность. Ты держись за неё.

— Держусь, — сказала Марина.

Они поговорили ещё минут десять — про соседку, у которой прорвало трубу, про цены, про то, что на даче надо менять забор и где взять денег на забор. Потом мать сказала «ну, спокойной ночи, дочь», и Марина сказала «спокойной ночи, мам», и связь оборвалась, и в квартире стало совсем тихо.

И тогда она его услышала.

Гул. Низкий, ровный, на грани слуха — как кондиционер в офисе, только офиса не было, был спальный район, тихая ночь, выключенная техника. Она встала, проверила холодильник — холодильник молчал. Проверила стояк, батареи, окно. Ничего. Город за окном шумел своим обычным шумом, но это было другое. Это было внутри — или нет, не внутри, а как бы вокруг, в самих стенах, в воздухе.

Она постояла посреди комнаты, прислушиваясь.

Потом легла и долго не могла заснуть, и гул не уходил,

и она поняла, что не уйдёт, — что она открыла что-то, что теперь не закрывается.

Глава вторая. Проект Эм

Три дня она жила как обычно.

Это было важно — жить как обычно, и она делала это тщательно, почти артистично. Приходила к восьми сорок. Здравовалась с Денисом, который теперь, после того письма, казался ей чем-то вроде человека, случайно поджёгшего дом и спокойно ушедшего, не оглянувшись. Проверяла таблицы. Обедала. Уходила в семь.

Гул то затихал, то возвращался. Она научилась с ним жить — за три дня, как за три года. Утром, в потоке дел, его почти не было. К вечеру он усиливался. Хуже всего было в туалете на этаже — там, в кафельной тишине, под ровный шум вытяжки, он становился отчётливым, почти осязаемым.

На четвёртый день она узнала дату.

Не специально. На общей планёрке отдела шеф, Андрей Викторович, грузный человек с вечной испариной на лбу, листал слайды — план-график по «Проекту Эм». Регистрационное досье — туда-то. Экспертиза — туда-то. И внизу, на последнем слайде, дата: предполагаемая дата регистрации препарата. Четыре месяца. Чуть меньше.

Через четыре месяца «Проект Эм» получит регистрационное удостоверение и пойдёт в аптеки, в больницы, в вены людям, у которых тромбы, и язвы, и всё связано в организме, очень тонко.

С цифрой 2,1 в досье. Вместо 6,8.

Марина сидела на планёрке, кивала, что-то записывала в блокнот, и считала. Четыре месяца. Сто двадцать дней. Если она не сделает ничего сейчас, то и потом не сделает — потом будет поздно, потом будет: «а где же ты раньше была». Если она вообще когда-нибудь что-нибудь сделает, то это должно начаться сейчас.

Или не начаться никогда. И тогда она проживёт остаток жизни, как прожила первую половину, — фильтром с мелкой ячейкой, через который всё проходит гладко.

Семь лет назад был аспирант. Его звали — она помнила — Серёжа Уткин, и фамилия была смешная, и над ней посмеивались, и сам он был такой нескладный, в свитере с протёртыми локтями. Он сделал отчёт по результатам, которые не понравились научному руководителю, профессору Гладышеву. Результаты были честные и неудобные. Гладышев на кафедральном семинаре разнёс его в пыль — методически, неторопливо, при всех, — и закончил тем, что человек, не умеющий получать правильные результаты, в науке не нужен. Уткин ушёл. Не с семинара — из науки вообще. Сейчас, кажется, занимался логистикой где-то под Подольском.

А Марина в тот день сидела в третьем ряду и молчала. И через два месяца получила от Гладышева рекомендательное письмо, с которым устроилась на первую хорошую работу.

Она помнила не стыд. Стыд пришёл потом, годами позже,

тонкими дозами. В тот день она помнила облегчение. Облегчение, что разносят не её.

После планёрки она вернулась за стол и оформила запрос на доступ к архиву клинических данных «Проекта Эм» — «в связи с подготовкой сводного отчёта по безопасности». Формулировка была рабочая, обоснованная, никто бы не придрался. Она нажала «Отправить запрос».

И в ту же секунду поняла, что сделала.

Запрос ушёл в систему. Его увидит администратор, его одобрит или не одобрит руководитель, он останется в логах навсегда — старший аналитик Кольцова М.А., такого-то числа, запросила доступ к первичным данным. К сырым цифрам. К тому, из чего делаются версии файлов.

Это была не та граница, которую можно перейти и вернуться. Это была дверь, которая за спиной защёлкивается.

Гул на секунду стал громче. Потом стих.

— Марина Алексеевна, — Денис снял наушник. — Вы как насчёт пообедать сегодня? Тут ребята в новое место зовут, грузинское вроде. Короче, хинкали и всё такое.

Она посмотрела на него. На значок «КИНО». На открытое, ничего не подозревающее лицо.

— В другой раз, — сказала она.

— Вы всегда так говорите, — Денис улыбнулся без обиды. — Я уже коллекционирую ваши «в другой раз».

— Большая коллекция?

— Штук восемь.

— Будет девять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.